

Шк о л а ч и т а т е л е й М а н д е л ь ш т а м а : Ч и т а т е л и №№ 1, 2, 3

Т и м е н ч и к , Р о м а н
Шк о л а ч и т а т е л е й М а н д е л ь ш т а м а : Ч и т а т е л и №№ 1, 2, 3
Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020
Vilniaus Universitetas, Lituania
Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477003>
DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.3>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

Школа читателей Мандельштама: Читатели №№ 1, 2, 3

The School of Reading Osip Mandelstam: Readers No. 1, 2, 3

Mandelštamo skaitytojų mokykla: skaitytojai Nr. 1, 2, 3

Роман Тищенко suzirom@gmail.com

Отделение русских и славянских исследований, Israel

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 07 Septiembre 2020
Aprobación: 14 Septiembre 2020

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.3>

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477003>

Резюме: «Доказывать сейчас, что история литературы не только история писателей, но и история читателей <...> – значит ломиться в открытые двери», – утверждал А. И. Белецкий век назад, но задача конкретного выявления разрозненных читательских групп, или «школ», по слову Б. В. Томашевского, остается остро-наущной для историков новой русской поэзии. Ниже следует попытка обрисовать первых абитуриентов школы читателей лирики Осипа Мандельштама. Двое из них разделяли с ним опыт сотрудничества в рабочей поэтической мастерской «Цеха поэтов», третья была его женой с 1919 года до его смерти.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Надежда Мандельштам, школы читателей русской поэзии XX века, заглавия-интертексты.

Abstract: “To prove now, that the history of literature is not only the history of writers, but also the history of readers [...] means to belabor the obvious,” stated Alexander Beletskii a century ago, but the task of the detailed detecting of the separate groups, or rather to use Boris Tomashevskii’s term, “schools” of readers, is still vital for the historians of modern Russian poetry. The following is the attempt to name the first “enrollees” of the school of reading Osip Mandelstam’s poetry, two of them sharing his activities in the literary workshop “The Guild of the Poets” in St. Petersburg in the 1910s, and the third being the poet’s wife during 1919–1938.

Keywords: Osip Mandelstam, Nikolai Gumilev, Anna Akhmatova, Nadezhda Mandelstam, schools of reading Russian poetry of the 20th century, titles-intertexts.

Summary: „Įrodinėti dabar, kad literatūros istorija yra ne tik rašytojų, bet ir skaitytojų istorija <...> reiškia brautis pro atvirus vartus“, – prieš šimtą metų teigė A. I. Beleckis, tačiau užduotis konkrečiai nustatyti išsibarsčiusias skaitytojų grupes arba „mokyklas“, pasak B. V. Tomaševskio, išlieka labai svarbi ir aktuali naujosios rusų poezijos istorikams. Toliau bandoma apibūdinti pirmuosius Osipo Mandelštamo lyrikos „skaitytojų mokyklos“ abiturientus. Du iš jų bendradarbiavo su juo „Poetų cecho“ dirbtuvėse, trečioji buvo jo žmona nuo 1919 metų iki jo mirties.

Почти накануне столетия выхода статьи выдающегося русского и украинского ученого Александра Белецкого «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)» мы с неубывающим пафосом должны повторить ее зачин:

После долгих, более века продолжавшихся мытарств, побывав в услужении и у библиографии, и у метафизической эстетики, и у истории, и у психологии, и у публицистики, наука о литературе выбирается наконец на самостоятельную дорогу. <...> Доказывать сейчас, что история литературы не только история писателей, но и история читателей, что без массы,

воспринимающей художественное произведение, немислима и сама творческая производительность, что история литературы должна интересоваться распространением в массе литературных форм, их борьбой за существование и преобладание в читательской среде, – значит ломиться в открытые двери. Тем не менее, практика науки от превращения этих теорий в азбучные истины выиграла пока немного. <...> Без истории русского читателя она не имеет под ногами почвы: она однобока, она неизбежно будет давать выводы, высказанные наполовину, какою бы точностью они ни отличались в первой своей части, а без этой второй половины мы ни для одного из её моментов не можем получить никакого итога.

(Белецкий 1964, 25–27)

Век спустя история читателей остается молодой начинающей наукой, с неизбежными по возрасту «наивностью» и «дескриптивностью».

Для нас в связи с избранной темой особенно многозначительно следующее место в статье Белецкого:

«Нет лирики без диалога», – замечает цитированный мною по поводу Баратынского современный поэт (О. Мандельштам), в короткой заметке которого «О собеседнике» я нашёл любопытные дополнения к собственным наблюдениям своим в этой области. В сущности, эта заметка да статья Б. В. Никольского «Поэт и читатель в лирике Пушкина» (СПб., 1899) – единственные известные мне попытки осветить этот вопрос, без разрешения которого многое в творчестве и отдельных поэтов, и целых школ остаётся неясным. <...> «Поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далёкому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усомнившись в себе», – говорит О. Мандельштам.

(Белецкий 1964, 31)

Чуть раньше была написана статья Бориса Томашевского «Пушкин — читатель французских поэтов», в которой говорилось:

Сама читательская среда неоднородна, и смена «вкусов» <...> происходит путем борьбы, побед и поражений читательских группировок, своего рода школ среди читателей, отчасти отражающих в своем распадении на лагеря борьбу школ писателей, а подчас даже группирующихся и независимо от наличных на Парнасе партий.

(Томашевский 1922, 211–212)

Таким образом, нам уже пришлось назвать двух самопровозглашенных учащихся школы читателей Мандельштама (сосуществовавшей и иногда конкурировавшей с читателями других поэтов XX века ¹), из коих Б. Томашевский в своем учебнике говорил о «суггестивной лирике» Ахматовой и Мандельштама: «Привычка наша к определенным логическим связям дает возможность поэту путем разрушения обычных связей создавать впечатление возможного значения, которое бы примирило бы все несвязные моменты построения» (Томашевский 1925, 193). Возможно, отсюда Мандельштам пришел к автохарактеристике: «Я мыслю опущенными звеньями» (Герштейн 1998, 19) ². Дочь же Томашевского вспоминала о Мандельштаме в Коктебеле 1933 г.:

Говорил он раздраженно и громко, был всегда чем-то недоволен, все время с Белым спорил, читал стихи визгливым голосом. Мы в эти часы старались

сбежать. Однажды папа сказал: «Дурачки вы маленькие. Потом вырастете и будете всем говорить, что жили в одном доме с великим русским поэтом Андреем Белым, а к нему приходил великий русский поэт Мандельштам».
(Тименчик 2016, 246)

Читатели-школяры, читатели-начетчики – это те, кто цитируют своего поэта, чтобы избавиться от неотступного звукового фона, как в прозе Юрия Анненкова «Повесть о пустяках»: «Ветер шумит в ушах стихами Мандельштама» (Темиряев 1934, 194)³.

Или как вспоминает Паустовский в «Броске на юг»:

*Плеск дождя особенно резко выделял
некоторые строчки стихов, и поэтому
мы повторяли их по нескольку раз.
Вот некоторые из них: <...> Мне
холодно. Прозрачная весна В зеленый пух
Петрополь одевает.*

Fuente: (Паустовский 1962, 531)

Или как первая ассоциация при взгляде на крымский пейзаж – стихотворение «Золотистого меду струя...» в прозе Павла Лукницкого, где героиня

глубоко вздохнула, встала, потянулась и подошла к окну. Перед ним зеленел широкий млеющий луг. Жирная, сочная трава, охваченная подковой многолиственного, торжественного леса, уходившего по склону в синеватую горную вышину. Горы, ускользя от взора, постепенно становились неряшливыми, и точность их очертаний сменялась мутнеющей табачной дымкой. «И воздушным стеклом обливаются сонные горы...» – вспоминалось ей.

(Лукницкий 1930,70)

Это не обязательно безоговорочные обожатели поэта, а скорее все те, которым он властно приходит на язык. Как Сергей Есенин, монолог которого с цитатой из «Поедем в Царское село...» вспоминает (правда, ненадежный) мемуарист:

Копилка бездарей... На чужую каланчу забрались и звонят, а прихода нет, никто не слушает. Творчество у многих: «каре́та с мощами фрейлины седой, что возвращается домой», а дома не существует, сожгли, между прочим...

(Талызин 1932, 191)⁴

Вопрос о принадлежности гонителей к школе читателей осложняется нередкими примерами эффекта Савла-Павла, как в случае Георгия Горбачева и эпиграммы на него: «Ах, мама, мама, мама, / У Горбачева драма, / Печатает он ЛАПП, / А любит Мандельштама» (Тименчик 2016, 246).. Известны и случаи демонстративного покидания школы:

Как-то уже после его смерти Екатерина Васильевна Заболоцкая рассказала мне, что в юности Заболоцкий страшно увлекался Мандельштамом, прямо-таки боготворил его. Мы обе были удивлены. Что же, изменились его пристрастия, так же как изменилась его собственная манера, – или же он почему-либо не хотел быть искренним? Во всяком случае, мне ясно, что он

весьма обдуманно формировал систему своих поэтических вкусов и взглядов на поэзию, сознательно отмечая то, что считал ей чуждым.
(Роскина 1980, 92–93)

В порядке отступления заметим, что мы ставим вопрос, в основном, о читателях лирики поэта, и картина читателей его прозы, видимо, будет несколько отличаться. Из новых примеров приведу реакцию литературоведа Л. В. Пумпянского на появление сборника «О поэзии» – в записной книжке в его домашнем архиве: «Неумная болтовня! Как наивна мысль об упадке личности!». Речь идет о пассаже: «Современный роман сразу лишился и фабулы, то есть действующей в принадлежащем ей времени личности, и психологии, так как она не обосновывает уже никаких действий» (Мандельштам 1926, 56). Далее: «Болтовня о Ключевском. Стыдно» – ср.: «Ключевский, добрый гений, домашний дух-покровитель русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания» (Мандельштам 1926, 58).

Если речь идет об описании этой школы, то, несколько натянуто продолжая метафору, сначала необходим по возможности полный список учащихся ⁶, начиная с самых ранних, вроде (расстрелянного впоследствии) востоковеда Н. А. Невского (1892–1937), о котором рассказывал Н. И. Конрад: «Я прекрасно помню, как он с торжеством вошел в мою комнату в общежитии и положил на стол маленькую книжечку. И сказал: “Вот, читайте!”. Это был “Камень” Мандельштама. Оценить в то время Мандельштама могли очень немногие» (Громковская, Кычанов 1978, 24), или порховских юношей и девушек «явно буржуазного происхождения», расспрашивавших летом 1921 г. петроградского гостя «об Ахматовой, Гумилеве, который был убит через несколько дней, об Осипе Мандельштаме» (Ходасевич 1935, 4).

Об этой читательской школе как предлагаемом объекте изучения уже приходилось говорить (Тименчик 2011, 377–379; Тименчик 2016, 220–224 ⁷): персональный состав ее отчасти можно восстановить по тем критическим отзывам на стихи современных поэтов, в которых усматривалось с большим или меньшим основанием (и чем с меньшим, чем «форсированней» – тем интересней) влияние автора «Камня» и «Tristia» ⁸. Например, реакция на стихотворение Бенедикта Лившица (1920) «Насущный хлеб и сух и горек...»:

*Б. Лившиц – это Мандельштам в кубе
и, конечно, в такой мере величавость
стала напыщенностью, пафос Овидия
сменился пафосом Гаргантюа от
классицизма, и строки вроде
Чу! Древне-женственной дигамме,
Ты слышишь, вторит вздох самца:
Чу! Не хрустит ли под ногами
Скорлупа Ледина яйца?
воспринимаются в плане комическом.*

Fuente: (Раишкова 1926)

Или о Елизавете Полонской:

*Стих ее тоже хорош, к сожалению,
его интонации всегда напоминают кого-
нибудь из старших поэтов – чаще всего
Мандельштам <так!>.*

Fuente: (Иванов 1922, 68)

Или о Константине Вагинове:

*Стихи <...> по духу неврастеничные,
по форме – смесь Мандельштама и
Рюрика Ивнева – имеют известную
индивидуальную интонацию.*

Fuente: (Оксенов 1922, 8)

Или о Марине Цветаевой:

*Ритмически они напоминают
известные стихи Мандельштама из
«Камня»:
Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит.
При усечении эти стихи дают ритм
цветаевских:
Конь – хром
Меч – ржав
Два ударения в двухсложной строчке
требуют двух односложных слов.*

Fuente: (Оцуп 1922, 71)

И о самом Николае Оцупе⁹ – неоднократно: «Оцуп, вернейший последователь Мандельштама» (Горбачев 1925, 37)¹⁰, «возьмите “Град” Н. Оцупа перепевающего в 10-й раз древнегреческие, римские и средневековые мотивы вслед за Мандельштамом в искусных, но мертвенно-скупных стихах» (Горбачев 1922, 107). И т.д.¹¹

Эти рецензенты и есть учащиеся обсуждаемой школы. Диагносты бесспорно являются полноправными членами избранного читательского сообщества, в то время как их пациенты еще должны быть проверены на полноценность. В этой связи рассмотрим один пример, уже отчасти затронутый в научной литературе (Орлицкий 2020, 278–279). В ту пору, когда Илья Сельвинский популяризировал напрашивающийся каламбур «мандельштамп», вложив его в уста поэта и стиховеда Александра Квятковского –

*К в я т к о в с к и й. «Стихи о-чень
хорошие. Очень!
В них есть та-такая сумасшедшинка,
которая, увы,
Уже испарилась из пу-узырька поэзии.*

*Пишите, Ней, и чихайте на все. Но
бойтесь
Пастернакини и Мандельштампа. Ко-
кончил»*

Fuente: (Сельвинский 1928, 36), –

поэт, прозаик, лидер группы «Перевал» Николай Зарудин отмечал «мандельштамп» у участника той же группы, Евсея Эркина, «вялого поэта», по замечанию современницы (Мочалова 2004, 127):

*...некий акмеистический холодок, подчас
мудрствование от Мандельштама
<...> В прозрачном и изящно
очерченном «Августе» последняя
строфа испорчена мудростью
Мандельштамовского толка.
Рокочут журавли
И стелется, как в р е м я, паутина
Это «время» врезано в стих совершенно
искусственно и не дает нужного
эффекта
разрешению лирически напряженного
стихотворения.*

Fuente: (Зарудин 1927, 265)

Стихотворение это впервые напечатано в 1922 г., его финал:

*Загоготали
Гуси
У сажалки, роняя пух.
На юг –
Рокочут журавли.
И стелется, как время, паутина.*

Действительно, неожиданно врезанное в стихоряд и в деревенский антураж («сажалка» – белорусское «пруд») абстрактное «время» может напоминать эксцентричное появление времени в рационе пчел в мандельштамовском «Возьми на радость из моих ладоней...»: «...их пища время, медуница, мята». И знакомство Эркина с этим стихотворением Мандельштама даже в устном исполнении автора вероятно: «Август» заезжего смоленского поэта был напечатан в газете «Московский понедельник», в редакцию которой Мандельштам сдавал своего «Декабриста» и стихотворение «Золотистого меда струя...», и об интересе к Мандельштаму Зарудин мог знать от своего – вообще говоря, решительно непохожего на Мандельштама – одноклассника. Но пока мы Зарудина решительно записываем в эту школу, а Эркина – со знаком вопроса, как кандидата¹².

Менее сомнительно зачисление обоих – оценщика и квалифицируемого поэта в случае письма Д. Кленовского А. Л. Бему 1944 г. о стихах Ирины Бем:

В книге стихов Вашей дочери мне очень понравились многие отдельные строфы и строчки (среди них есть прекрасные), но редко целые стихотворения. Впечатлению от всей книги мешает отсутствие еще у автора своего голоса. Мандельштамовский реквизит – Андромахи, Персефоны («пчелы Персефоны ~ М[андельштама]), Текторы, Навзикаи, высокий приамов дом («высокий приамов скворешник» М[андельштама] – переплетается в книге с горьковатым зернышком ахматовской интимности, но свой голос еще не звучит.

(Поляков 2010, 356)

Затронутая мельком выше проблема изустной миграции текстов немаловажна для реконструкции состава читательской школы, волонтеры которой укрепляются в своей сопринадлежности при живом столкновении с противниками и ненавистниками – см. воспоминание о чтении поэта в Феодосии в 1920 г.:

*Потом выступил Мандельштам.
Вышел, заложил руку за борт пиджака,
горделиво откинул назад свою птичью
голову с легким рыжим пухом и начал
читать нараспев свои чеканные стихи:
Человек умирает, песок остывает
согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках
несут.
До сих пор вспоминаю со стыдом, как
вела себя публика. Сначала на лицах
появились улыбки, потом раздался уже
откровенный смех, – люди, по-видимому,
решили, что это – столичный
«футурист»...*

Fuente: (Седых 1945)

Речь идет не только об авторской декламации, но и об исполнении стихов чтецами. Об одной такой запомнившейся устной публикации – выступлении футуриста Алексея Чичерина в Одессе в ноябре 1920 г. с чтением стихотворения «Я изучил науку расставанья...» – слушатель свидетельствовал: «начинал задумчиво-грустно в медленном темпе и переходил потом в надрывающий душу речитатив» (Ставров 1949). Ср. воспоминания о тогдашней чичеринской манере выступлений:

Слов, лившихся то тихим, журчащим ручьем, то гремевших раскатами грома, нельзя было понять. Они звучали, как иностранные. Временами казалось, что звенят колокола, переходящие в шуршанье перелистываемых страниц книги. Голосом владел он великолепно. Во время чтения, сначала незамеченные публикой, откуда-то из боковой двери выплыли две девушки в полупрозрачных, как легкая дымка облаков, одежаниях и по ходу декламации делали пластические движения, взмахивая руками, с которых струились, как лунный свет, дымчато-голубые прозрачные шарфы. Когда выступление было закончено, часть публики ушла в недоумении, другая в восхищении от нового вида искусства.

(Логунова 1969);

он нахмурился в ответ нашим улыбкам, скрестил на груди полуголые мускулистые руки, набрал воздуха, и низкий, действительно бархатный, прекрасно поставленный голос, как орган, зарокотал.
(Райт 1940, 109)

Другой случай устной публикации имел некоторые неприятные последствия для мандельштамовской текстологии:

Я не помню, когда я начал любить стихи, такое происходит исподволь, но очень хорошо помню, когда стихи впервые обожгли меня. В довоенном Коктебеле, в довольно узком кругу Сева Багрицкий читал <...> якобы свое собственное стихотворение про щегла. Он не присваивал себе чужого, он хотел, чтобы мы знали стихи поэта, чье имя тогда не произносилось вслух. Жар охватил меня с первых строк, а когда прозвучало второе четверостишие, у меня «засочилось сердце», оказывается, это не образ, а точное выражение сути: Хвостик лодкой, крылья черно-желты, Ниже клюва в краску влит – Сознаешь ли, до чего щегол ты, До чего ты щегловит? Я не понял тогда последних стихов: В обе стороны он в оба смотрит – в обе. Не посмотрит – улетел! Но проснувшись ночью, вспомнил...

Fuente: (Нагибин 1979, 141) 13

После гибели Всеволода Багрицкого на войне исполнявшееся им стихотворение было ошибочно включено в его посмертную публикацию матерью (Багрицкая 1964).

Другими формами читательской преданности являются знаки почтения в «домашних» стихотворных сочинениях – эпитафии и посвящения. Из примеров первых приведем образцы у ленинградцев (в случае Мандельштама до известного времени можно говорить о местнотимом поэте¹⁴), поставленные в дневнике к записям за 1944 г.:

*И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.
Останься пеной, Афродита...
О. Мандельштам – «Камень»*

Fuente: (Островская 2013, 475) 15,

к своим стихотворениям «В черном бархате, ты помнишь бархат...» – «В черном бархате советской ночи, / В бархате всемирной пустоты...» (Андриевская 2006, 52), к циклу

«Возвращение» – «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (Андриевская 2006, 54)¹⁶, к стихам 1950-х гг. о прогулках по Рижскому взморью – «Легкий крест одиноких прогулок...» (Павлов 1984, 332) и к циклу стихов, обращенных к Елене Юнгер – «Когда бы не Елена...» (Павлов 1984, 420)¹⁷.

Ко вторым (посвящениям), начатым собиранием, отнесем стихотворения Ю. Дегена, Б. Зубакина, Р. Скоморовского (Венок Мандельштаму 2000, 269–275); в качестве новых примеров назовем адресованный О. Мандельштаму Эмилием Миндлиным сонет 1921 г. «Спокойность пьет в холодном хрустале...» с кодой:

*Блажен, кто знал двойное бытие!
Кто вечность строгую найдет в
мгновеньи,
Сказав о нем: «мгновение мое!»
Кто принял мир, вкусив любви
блаженство,
И в знании изведal отречение,
Тот оправдал земли несовершенство.*

Fuente: (Миндлин 1920–1921, 44) 18

и также оставшийся в рукописи «Петербург» (1923) Бориса Лавренева:

*Он не умрет – и мы еще живем
И яростным трудом крепим обломки,
Крещенные Бореем и огнем
Упрямые и гордые потомки.*

Fuente: (Файнштейн 2001, 72)

Если открыть поименное перечисление школяров, то, видимо, за номером первым должен значиться синдик «Цеха поэтов» Гумилев (см.: Левинтон 1994), который незадолго до своей гибели, вероятно, осознал схожесть эволюции приемов своей и мандельштамовской поэтики: обращение к «смещению или наложению планов», «несколько снимков на одну пластинку», «кинематографическому трюку – снимку нескольких пейзажей на одной ленте» в стихотворениях «У цыган», «Заблудившийся трамвай» (Тименчик 2006, 457–459) и в стихотворении под рабочими названиями «Конь» и «Троянский конь»:

Когда я стояла в очереди «на прикрепление» на март 1921 г. в Доме Ученых, в соседней очереди оказался Н. С. Гумилев, с которым я тогда редко встречалась. Очутившись со мной рядом, он заговорил о стихах Мандельштама и особенно восхищался стихами о Трое («За то, что я руки твои...»). Он всегда очень высоко ценил поэзию О. Э.

(Ахматова 1989, 146)

Заметим, что эти опыты Гумилева обладали раздражающим, то есть, возможно, новаторским по ощущению потенциалом: «...самый метод диванного мифотворчества и высасыванья из пальца

фантастики применялся и рекомендовался уже Гумилевым» (Кузмин 1923, 121).

Второй по счету можно назвать Ахматову¹⁹, о поэтическом собеседовании которой с Мандельштамом уже немало сказано, хотя многое еще можно добавить. Она была вовлечена в диалог с его текстами со времен обсуждения стихов в «Цехе поэтов»: «Вот эти строки оды “Бетховен” забракованы Ахматовой. А здесь Мандельштам вывел из тупика наш общепризнанный арбитр вкуса Лозинский» (Иванов 1955, 275) – речь, возможно, шла о ходовой разговорной интерпретации слова «бурелом».

Ахматова подпадает под все определения неистового читателя, начиная с обрядового исполнения отдельных «случайных» строчек – запись 1928 г.: «Говорим о стихах О. Мандельштам (гадаем по ним в шутку)» (Лукницкий 2002, 427), цитирования по невзрачному поводу – «Сели на скамейку у дверей парадной, в саду (“Кто может знать при слове расставанье, какая...” и т.д.)» (Лукницкий 2002, 478) или надписи на подаренной своей фотографии – «Не Елена, другая...» (Лукницкий 2002, 466) и кончая пропитанной гневом и пристрастием охраной наследия своего любимца. Надежда Мандельштам вспоминала, что в пастернаковском «Свидании» строки «И весь твой облик сложен из одного куска» – Анна Андреевна считала реминисценцией из стихотворения Мандельштам «Уничтожает пламень...» (1915): «Уничтожает пламень / Сухую жизнь мою, / И ныне я не камень, / А дерево пою. / Оно легко и грубо: / Из одного куска / И сердцевина дуба, / И весла рыбака». Ахматова «гадала, как это дошло до Пастернака, который, как известно, чужих стихов остерегался и не читал. “Должно быть, ему кто-нибудь процитировал”, – решила она...» (Мандельштам Н. 2014, 714). Она как отличница в этой школе всегда исполняла главное правило для учащихся – патриотическую апологию своего сообщества. И в 1920-е годы, и в 1950-е Ахматова говорила, что Мандельштам ей нужнее Пастернака. А одиозного для нее Георгия Иванова уличить в похищении было совсем легкой литературоведческой задачей²⁰: у стихотворения Г. Иванова «Глядит печаль огромными глазами...» рядом со строчками: «А на террасе разливают чай / В большие неуклюжие стаканы. / И вот струю крутого кипятка / Последний луч позолотил слегка» – Ахматова пометила: «Мандельштам» (Пакшина, Позднякова 2004, 81); видимо, в первую очередь вспомнился финал сонета «Казино» с лучом на скатерти и вином в хрустале.

Заметим, что к формам читательской лояльности вроде эпиграфов, посвящений, цитирования можно отнести и карнавальную травестию, как это было, например, у Георгия Иванова с мандельштамовским стихотворением «Веницейской жизни мрачной и бесплодной...»:

*Переделав ее всю нелепо и комично,
вплоть до последних строк. У
Мандельштама:*

Человек рождается. Жемчуг умирает.

И Сусанна старцев ждать должна.

А у Георгия Иванова:

Человек рождается. Он же умирает.

А милиция всегда нужна.

*Георгий Иванов пошел на пари
(на коробку папирос) с Гумилевым
и Мандельштамом, что прочтет
«Милицейскую жизнь» на вечере
какой-то рабочей ячейки, где они
втроем должны выступать. И никто
ничего не заметит. Георгий Иванов
выиграл пари. Он действительно прочел
«Милицейскую жизнь» с эстрады
вместе со своими стихами, и ей, как и его
стихам, похлопали должным образом.*

*А в антракте к нему подошел Кривич,
сын Иннокентия Анненского, тоже
поэт, и рассыпался в комплиментах:*

*– Меня просто потрясло ваше
стихотворение о милиции! Совсем
новая манера! Волшебное преображение
реальности...*

Fuente: (Лекманов 2020, 270)

Эпизод вошел в околосредовый петроградский фольклор, и в 1924 г. Павел Лукницкий пересказал его Ахматовой: «Я читаю ей <...> переделку Г. Ивановым “Венецианской жизни” О. Мандельштама. АА слушает, улыбаясь, и роняет: “Какой нахал-мальчишка!”» (Лукницкий 1991, 13).

Третьим, наконец, номером следует назвать многолетнего первого читателя и главного хранителя стихов – Надежду Хазину-Мандельштам. Тот диалог поэта с читателем, которого разыскивает эссе «О собеседнике», персонифицировался в семейных обсуждениях свеженарисованных стихов, и рецепция их первослушательницей вскрывает иногда, хочется думать, их семантическое подполье.

Два примера. В недавно опубликованных письмах жены апреля 1937 г. к Мандельштаму из Москвы в Воронеж содержится сообщения о том, как записные читатели Мандельштама (в том числе В. Яхонтов и К. Чуковский) приняли его последние стихи конца 1936 – начала 1937 гг.:

Стихов почти никому пока не показывала: они 3 дня лежали у Корнея Ивановича. А от него, кроме умиленных стонов, ничего добиться нельзя. Он не конкретен – увы! Все хорошо... Владимир Ник[олаевич] бессловесен – вернее, порет чепуху, но откладывает в кучку лучшие стихи без ошибки. В одном все сходится – последние стихи принимаются безоговорочно («солдата» я не показывала). Между прочим, выброшенные стихи: «я скажу это начерно» – «точка безумия» и др[угие] – очень нравятся. Я этому рада. <...> Со стихами: всем очень нравятся забракованные тобой – «небесные» <...> Рим, городок, флейта, кувшин, туча – само собой – но и те, которые мы здесь в гордыне отвергали.

(Тименчик 2019, 97)

Презумпция читателя – темперировать поэтический текст. Александр Блок говорил, что «всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение» (Блок 1965, 84). Острия-звезды, «сильные места», каждый читатель выбирает себе сам. Иногда они обозначаются лексемами из текста (как «туча» в стихотворении «Заблудился я в небе...» с его финалом: «Тише: тучу ведут под уздцы»), а иногда – архисемами, подобно словам, отсутствующим в составе текста, но присутствующим в аннотации к нему. В нашем случае, когда Н. Я. Мандельштам обозначает ключевыми словами воронежские стихотворения, второй тип представлен словом «городок». Это, вероятно, «Пластинкой тоненькой жиллета...», описывающее пребывание супругов в Задонске, убежище от воронежской клаустрофобии. Домашнее, рабочее заглавие, титул-интертекст ²¹ отсылает к одноименному стихотворению Гумилева, описывающему Бежецк и «человечью жизнь настоящую» (Гумилев 1918, 12). Задонск не столь древен, как Бежецк, «летописцем не раз помянутый», но тоже связан с российским духовным прошлым через святителя Тихона Задонского, окончившего жизнь в Задонском Рождество-Богородицком монастыре.

И здесь читательница навязывает тексту паратекст.

Каждый поэт более или менее плотно взаимодействует со своей «школой читателей», или идя навстречу ее прочтениям и ожиданиям, или обманывая эти ожидания и раздражаясь ее прочтениями, как в эпизоде воронежской ссылки:

Осип Эмильевич спросил меня, знаю ли я наизусть какие-нибудь его стихи. Я ответила утвердительно. «Прочитайте, пожалуйста, я так давно не слышал своих стихов», – сказал он с грустью и сразу стал серьезным. Не знаю, почему, я прочитала <...>: «Я потеряла нежную камю, не знаю где, на берегу Невы...». Боже мой, что началось! Осип Эмильевич негодовал. Он весь был воплощение гнева. Меня поразила такая бурная реакция, такая неожиданная перемена настроения. Я растерялась. Единственное, что мне запомнилось из этого крика: «Вы прочитали самое плохое мое стихотворение!» Сквозь слезы я сказала в свое оправдание: «Не виновата же я, что вы его написали». Это как-то сразу его успокоило, мне даже показалось, что он пожалел о своей вспышке. Тут вмешалась Надежда Яковлевна и сказала: «Ося, не смей обижать Наташу»

Fuente: (Штемпель 2008: 31)

В случае главной ученицы диалог поэта со школой читателей, на нем воспитанной, происходил за домашним столом.

Referencias

- Адамович, Г. 1930. Молодые поэты. Последние новости. 9 января.
- Андриевская, Л. М. 2006. Странички из дневника. / Примеч., предисл., сост. Т. Б. Фабрициева. Санкт-Петербург: Нива.
- Арьев, А. Ю. 2017. Иванов Георгий Владимирович (1894–1958). Мандельштамовская энциклопедия. В 2-х томах. Москва: Политическая энциклопедия. Т. 1.
- Ахматова, А. 1989. Requiem. / Сост. и примеч. Р. Тименчика при участии К. М. Поливанова. Москва: МПИ.
- Багрицкая, Л. 1964. Досадное недоразумение. Литературная газета, 5 мая. № 53 (4759), 2.
- Баженов, М. 1991. Анна Ахматова – Осип Мандельштам. Библиография. Советская библиография 2, 86–100.
- Белецкий, А. И. 1964. Избранные труды по теории литературы. Москва: Просвещение.
- Блок, А. 1965. Записные книжки (1901–1920). Москва: Художественная литература.
- Бунин, И. 1973. Письма И. Бунина Г. Адамовичу / Публ. А. Зверев. Новый журнал 110, 158–175.
- Венок Мандельштаму 2000 / Послесловие, публикация и подготовка текстов О. Лекманова. Сохрани мою речь... Альманах Мандельштамовского общества. Вып. 3/2. Москва: РГГУ, 270–275.
- Видгоф, Л. 2015. Вокруг поэта: Эмилий Миндлин, Николаус Бассехес, Георг Себастьян. Toronto Slavic Quarterly 54, 174–184.
- Вольпин, Н. 1986. Свидание с другом (Воспоминания). Юность 10, 95–100.
- Герштейн, Э. Г. 1998. Мемуары. С.-Петербург: Инапресс.
- Горбачев, Г. 1922. Художественная литература буржуазно-кулацкого «окружения». Под знаменем коммунизма 1, 104–115.
- Горбачев, Г. 1925. Очерки современной русской литературы. 2-е, доп. издание. Ленинград: ГИЗ.
- Громковская, Л. Л., Кычанов Е. И. 1978. Николай Александрович Невский. Москва: Наука.
- Громова, Н. 2010. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. Москва: Издательство АСТ, Corpus.
- Гумилев, Н. 1918. Костер: Стихи. Санкт-Петербург: Гиперборей.
- Данин, Д. 1947. Пути романтики: (Заметки о поэтах-архаистах, порочном романтизме и революционной романтике). Знамя 5.
- Данилова, С. Ф. 2017. Э. Л. Миндлин (1900–1981). Мандельштамовская энциклопедия. В 2-х томах. Москва: Политическая энциклопедия. Т. 1.

- Дьяконов, И. М. 1995. Книга воспоминаний. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Зарудин, Н. 1927. Рец. на кн.: Эркин Е. Август. Москва, 1927. Красная новь 6, 265.
- Иванов, Г. 1922. Рец. на кн.: Полонская Е. Знаменья. Цех поэтов. Кн. 3. Петроград: Цех поэтов.
- Иванов, Г. 1955. Осип Мандельштам. Новый журнал 43, 273–284.
- Иваск, Ю. 1968. Письмо Глебу Струве от 10 февраля. Архив Гугеровского института войны, революции и мира. Стэнфордский университет.
- Кузмин, М. 1923. Парнасские заросли. Завтра. Литературно-критический сб. Берлин: Петрополис, 116–118.
- Левинтон, Г. А. 1994. Мандельштам и Гумилев: Предварительные заметки. Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума (London, 1991). New Jersey, 30–43.
- Лекманов, О. 2020. «Жизнь прошла. А молодость длится...». Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Москва: Редакция Елены Шубиной.
- Логунова, Н. 1969. Одесские писатели и поэты. Новое русское слово. Нью-Йорк. 25 мая.
- Лукницкий, П. 1930. Мойра: Роман. Москва; Ленинград: Земля и фабрика.
- Лукницкий, П. Н. 1991. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. Париж: YMCA-Press. Т. I. 1924–1925.
- Лукницкий, П. Н. 2002. Дневник 1928 года. / Публ. и комм. Т. М. Двинятиной. Лица. Биографический альманах 9. Санкт-Петербург: Феникс, 341–495.
- Любимов, Н. М. 2000. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Москва: Языки русской культуры. Т. 1.
- Мандельштам, Н. Я. 2014. Собрание сочинений в 2-х томах. Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества). Т. 1.
- Мандельштам, О. 1928. О поэзии: Сборник статей. Ленинград: ACADEMIA.
- Миндлин, Э. 1921–1922. Стихи. РГАЛИ. Ф. 2552. Оп.1. Ед.хр.10
- Мочалова, О. 2004. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах. Москва: Молодая гвардия.
- Нагибин, Ю. 1979. Она в моей жизни. День поэзии. 1979. Москва: Советский писатель, 140–141.
- Оксенов, И. 1922. Литературный дневник. «Абраксас» Литературная неделя: Приложение к газете «Петроградская правда» 24, 7.
- Орлицкий, Ю. Б. 2020. Мандельштам и его «подражатели». Статья первая. 1920–1930-е гг. OSTKRAFT. Литературная коллекция. Научное обозрение. 2–3. Москва: Модест Колеров, 264–284. Режим доступа: www.ostkraft.ru [см. 10 09 2020].
- Островская, С. К. 2013. Дневник / Вступ. ст. Т. С. Поздняковой, послесл. П. Ю. Барсковой, подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. Москва: НЛО.
- Оцуп, Н. 1922. Рец. на кн.: Всероссийский Союз Поэтов. 2-й сборник. Цех поэтов. Кн. 3. Петроград: Цех поэтов, 71.

- Оцуп, Н. 1993. Океан времен: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. / Сост., вступ. ст. Л. Аллена; Коммент. Р. Тименчика. Санкт-Петербург: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник».
- Павлов, В. [Орлов В. Н.] 1984. Дым от костра: Из 7 книг лирики, 1923–1981. РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед.хр. 1.
- Пакшина, Н., Позднякова, Т. 2004. Библиотека Анны Ахматовой. Библиофилы России. Альманах. Москва: Любимая Россия. Т. 1, 47–119.
- Паустовский, К. 1962. Повесть о жизни. Т. 2. Кн. 5: Бросок на юг. Москва: Гослитиздат.
- Петров, В. 1988. Фонтанный Дом. / Вступ. заметка и публикация Я. Чехановец. Наше наследие 4, 105–108.
- Поляков, Ф. 2010. «Созвучен не буре, а тишине». Письма Дмитрия Кленовского к Альфреду Бему (1944 г.). Нансеновские чтения 2009. Санкт-Петербург: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 348–383.
- Райт, Р. 1940. Двадцать лет назад. Маяковскому. Сб. воспоминаний и статей. Ленинград: ГИХЛ, 108–131.
- Рахманов, Л. 1975. Встречи с Анной Ахматовой. 1945–1966. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Ф. 1. Оп. 4. № 119.
- Рахманов, Л. 1988. Чет-нечет. Ленинград: Советский писатель.
- Рашковская, А. 1926. На поэтических путях. Красная газета. Вечерний вып. 28 ноября.
- Розанов, И. Н. 1946. Дневник 1946 года. НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 5. Ед.хр. 7.
- Роскина, Н. 1980. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж: YMCA-Press.
- Седых, А. 1945. Осип Мандельштам. Новое русское слово. Нью-Йорк. 2 сентября.
- Сельвинский, И. 1928. Записки поэта: Повесть. Москва; Ленинград: ГИЗ.
- Слоним, М. 1928. Литературный дневник. Воля России 7, 58–75.
- Ставров, П. 1949. Полузабытое. Новое русское слово. Нью-Йорк. 23 января.
- Становкин, П. А. 2010. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1920-х годов», «Новые стихи» (1930–1937). Вестник Томского государственного педагогического университета 6 (96), 73–77.
- Струве, Г. 1967. Дневник читателя: П. Б. Струве и Н. А. Бердяев. Русская мысль. 26 января. № 2663.
- Струве, Г. 1996. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья. / Ред. В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Сост. и вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский путь.
- Сулис, Б. Д. 1993. Больше, чем воспоминания: письма ленинградских художников 1941–1945. Кн. 1. Санкт-Петербург: КультИнформПресс
- Талызин, М. 1932. По ту сторону. Париж [Харбин]: без издательства.

- Темиряев, Б. 1934. [Анненков Ю. П.]. Повесть о пустяках. Берлин: Петрополис.
- Терапиано, Ю. 1952. О Блоке, о Гумилеве. Новое русское слово. Нью-Йорк. № 14541. 17 февраля, 8.
- Терапиано, Ю. 1953. О неизданных стихах О. Мандельштама. Новое русское слово. Нью-Йорк. № 14862. 4 января, 8.
- Тименчик, Р. 1994. Забытый экспромт В. Пяста. De Visu 5/6, 89–90.
- Тименчик, Р. 1995. Георгий Иванов как объект и субъект. Новое литературное обозрение 16, 341–348.
- Тименчик, Р. 2006. К анализу «Поэмы без героя». 3 «Я всем прощение дарю...». Ахматовский сборник. Москва, Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 457–464.
- Тименчик, Р. 2011. Карточки. Donum homini universalis. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. Москва: Объединенное гуманитарное издательство.
- Тименчик, Р. 2016. Ангелы. Люди. Вещи: в ореоле стихов и друзей. Москва, Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим.
- Тименчик, Р. 2017а. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. Москва, Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим.
- Тименчик, Р. 2017б. А. А. Ахматова (1889–1966). Мандельштамовская энциклопедия. В 2-х томах. Москва: Политическая энциклопедия. Т. 1.
- Тименчик, Р. 2018. Успехи Анны Ахматовой. Литературный факт 9, 244–263.
- Тименчик, Р. 2019. К биографии Мандельштама: 1937 год. Летняя школа по русской литературе. Санкт-Петербург, 92–106.
- Тоддес, Е. А. 2019. Избранные труды по русской литературе и филологии. Москва: НЛО.
- Томашевский, Б. 1922. Пушкин – читатель французских поэтов. Пушкинист, IV. Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Москва; Петроград: ГИЗ.
- Томашевский, Б. 1925. Теория литературы: Поэтика. Ленинград: Госиздат.
- Файнштейн, Д. 2001. Распечатанные конверты. Тель-Авив: без издательства.
- Хазан, В. 2011. Расстояние разлуки. Осип Мандельштам и литература русской эмиграции. Вопросы литературы 2, 363–387.
- Ходасевич, В. 1935. Поездка в Порхов. Возрождение. 16 мая, 3–4.
- Ходасевич, В. 1939. Книги и люди. Возрождение. 9 января.
- Штемпель, Н. 2008. «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель. / Сост. П. Нерлер и Н. Гордина. Москва, Воронеж: Карта.
- Timenchik, R. 2020. Early Twentieth-Century Schools of Reading Russian Poetry. Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Vol. 2. Ed. by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano.
- Yarmolinsky, A. 1966. Two Centuries of Russian Verse. An Anthology from Lomonosov to Voznesensky. / Edited, with an introduction and notes,

by A. Yarmolinsky. Translations from Russian by Babette Deutsch. New York: Random House.

сноска

- 16 28 мая 1937 г. в этот дневник вписано мандельштамовское «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста...» (Андриевская 2006, 9), возможно, полученное от Ахматовой; запись 20 марта 1939 г.: «Умер Мандельштам. Потеря для поэзии непоправимая. Скольких их не стало – поэтов моего времени и поколения: Блока, Гумилева, Маяковского, Есенина, Кузмина, а теперь Мандельштама» (Андриевская 2006, 11). Названный в этом синодике Блок, безусловно, является тем центром, по отношению к которому центростремительно или центробежно располагают себя самоорганизующиеся школы русских читателей XX в. – см., например: «Иннокентий Анненский, Анна Ахматова, О. Мандельштам, в общем, формально стоят выше Блока, но никому из них не по силам равняться с его поэтическим дыханием, с его атмосферой, с его музыкой, с его диапазоном, и напевы Блока, о которых столько говорилось, тайна которых, как тайна всякой настоящей поэзии, навсегда останется необъяснимой, через тридцать лет после его смерти звучат с той же неотразимой прелестью» (Терапиано 1952). 17 В том же рукописном собрании стихотворений литературоведа В. Н. Орлова под одним стихотворением есть помета: «Узнал об аресте и ссылке Мандельштама» (Павлов 1984, 174–175). 18 См. еще два его стихотворения, посвященных Мандельштаму: «Весенний пар упруг, медвян и золот...», «Мы, как дети, забот не знаем...» (Миндлин 1920–1921, 87–88). См. о нем: (Видгоф 2015; Данилова 2017, 342). 19 См. по этой теме: (Баженов 1991: 86–100); (Ти́менчик 2017б, 92–97). Ахматова выступала и в роли устной «распространительницы» неизданного Мандельштама – из ряда примеров такого рода см. эпизод 1945 г., когда она прочитала Л. Рахманову «Как по улицам Киева-Вия...»: «Записать его, правда, не разрешила, сказав, что сама помнит только со слуха, что Мандельштам ей однажды прочел его наизусть, и она запомнила, не записывая» (Рахманов Л. 1975; цитируемое место опущено в: [Рахманов 1988, 484]; о своем знакомстве со стихами и прозой Мандельштама в 1926–28 гг. см.: [Рахманов 1988, 527–528]). 20 Об эйдолологическом взаимообмене обоих поэтов см.: (Ти́менчик 1995, 343); (Арьев 2017, 260–267); (Тоддес 2019, 554–558). 21 Об этом приеме у Мандельштама см.: (Становкин 2010, 73–77).
- 1 О школах читателей И. Анненского и Н. Гумилева см.: (Ти́менчик 2017а); о школе читателей Ахматовой: (Ти́менчик 2018, 244–263); об общей проблематике (в том числе о конфликте «пастернакистов» с «мандельштамофилами»: (Timenchik 2020, 241–257); см. эпизод чтения неизданных стихов Мандельштама «на литературном собрании в Париже в присутствии другого сильного соперника Иннокентия Анненского, стихотворения которого, тоже не вошедшие в его книги и мало кому известные, читал другой участник собрания. В этом состязании, как всегда бывает при встрече подлинных поэтов, присутствовавшие не знали, кому из них отдать предпочтение, и Мандельштам не был побежден, так же как для меня лично, им тоже не был побежден И. Анненский» (Терапиано 1953). О перекорах нескольких таких школ см. свидетельство об одной читательской игре 1933 г.: «...кто-то высказал в шутку мысль, что писателям надо выдавать единые знаки различия, как в армии: “ромбы” генералитету, “шпалы” старшему, “кубики” среднему и “треугольники” младшему комсоставу – или писсоставу. Кто-то – чуть ли не я – предложил вместо геометрических фигур помещать поэтам в петлицу лиру. Это

предложение сейчас же уточнили: лиры – генералитету, гитары – старшему поэтическому составу, мандолины – среднему, балалайки – младшему. Все тут же увлеклись раздачей знаков различия ныне здравствующим поэтам. Все согласились на лиру или две Пастернаку и Тихонову, и на одну лиру – после долгих и ожесточенных споров – Маршаку. Четыре гитары получили Борис Корнилов и Павел Васильев. Вера Инбер и Александр Безыменский получили что-то вроде трех или двух мандолин, Жаров и Уткин – по три балалайки, и тому подобное. Вдруг Н. Я. Рыкова встрепенулась: «Есть еще один генерал, три лиры! Мандельштам! Это – белый генерал, но все-таки генерал. Белый – но генерал», – повторила она, нервно хихикая». (Дьяконов 1995:253). Ср. рассказ этого мемуариста: «Имя Мандельштама мне было тогда известно. Я помнил два его стихотворения наизусть: “Я изучил науку расставанья” и “За то, что я руки твои не сумел удержать”. Они меня странно будоражили. Почему-то не хотелось признать, что это хорошо – слишком было непонятно – но нельзя было и не запомнить на всю жизнь» (Дьяконов 1995, 247).

- 2 Ср. рассуждение поэта и критика Юрия Иваска, который «стремится соединить одной чертой русский “ампир” XIX века с русским “ренессансом” XX века, Пушкина и Баратынского с Анненским и Мандельштамом» (Струве 1996, 245): «Гумилев писал на пятерку, на ять и его идеалы, модели требовали большего мастерства, чем у символистов, кот[орые] часто писали очень неровно. После Гумилева уже нельзя было писать “водянисто”, “опускаться” в строфе – нужной по смыслу, содержанию. Того же хотел и Брюсов, но ск[олько] у него “пустозвонства”, риторики, ск[олько] строк, о кот[оры]х говорят: они “не звучат”. Если исключит[ь] футуристов, то все остальные очень обязаны Гумилеву, хотя они сами об этом не подозревают. Так что тут нужно поклониться ему. Набоков и ...Моршен: как будто ничего общего. Но у них обычная – и Гумилевым утверждаемая логика развития ст[ихотворе]ния. Тогда как поэты, околдованные Мандельштамом, знают и др[угую] логику – нанизанных восклицаний, отступлений, иногда отдаленно связанных с данной темой. Создается впечатление (кажущейся) бессвязности, это эллипсы, которые великий Державин называл перескоками» (Иваск 1968).
- 3 Далее в этой повести цитируется «Домби и сын» (Темирязов 1934, 235).
- 4 Ср. отзыв Есенина о Мандельштаме: «Ему ведь нечего сказать: стоит перед зеркалом, любит. “Смотрите: я поэт!”» (Вольпин 1986, 97).
- 5 Ср.: «Мандельштам на 9/10 мертв и пуст для пролетария, не воспитанного на интеллигентской культуре первых десятилетий XX века, но культурного, конечно, гораздо более, чем насквозь просмердевший стихами молодой русский дэнди, так презрительно описанный Блоком. Об этом можно спросить у любого кончившего свердловца, у любого рабочего, несущего ответственнейшую работу» (Горбачев 1925, 7). Из именитых отрицателей Мандельштама следует назвать, например, Бунину, который в 1945 г. писал в шуточных стихах Георгию Адамовичу: «Не умиляйся, не журчи / Мне про Есенинскую “мamu” – / и гений, данный Мандельштаму» (Бунин 1973, 160).
- 6 Мы в рамках этой статьи говорим о прижизненных читателях поэта. История его славы и зачитанности до дыр в последние полвека представляет собой отдельную тему. Достаточно сказать, что еще в декабре 1966 г. на съезде Ассоциации преподавателей славянских языков в Нью-Йорке (AATSEEL) Евгений Евтушенко говорил: «у Мандельштама есть замечательные отдельные стихотворения, но в целом он “не большой поэт”» (Струве 1967), хотя уже в 1965 г. были все основания для констатации: “Of late he has become the subject and to a degree the victim of a cult, both at home, where his

- unpublished verse is circulated clandestinely in manuscript, and in the Russian diaspora” (Yarmolinsky 1966).
- 7 См. также: (Хазан 2011, 363–387); (Орлицкий 2020, 264–284); по поводу преобладающей части стихового творчества у молодых эмигрантских авторов парижский критик вздыхал: «вот это заимствовано у Пастернака или Ахматовой, это у Мандельштама» (Адамович 1930).
 - 8 Вплоть до зловещего интертекстуализма ждановских годов: «Акмеизм всегда был реакционен. И он всегда был реакционно-романтичен, куда бы ни уходил он от жизни народа – в монашескую келью или в экзотические странствования, во мрак “звериной души” или в эмпирии абстрактного созерцания. Наши сегодняшние архаисты <...> видимо, никак не могут понять всего этого до конца. Не могут – потому, что трудно допустить, чтобы они не хотели понять этого. Они поддаются “красивым соблазнам” эстетики всяческих акмеистов и не замечают, как вместе с будто всего лишь внешним, как бы “чисто художественным” влиянием, в их творчество проникает и опустошающее идейное влияние акмеизма. Да ведь иначе быть не может: это пресловутое “чисто-художественное” влияние – одна из жесточайших и мстительных иллюзий, какие может питать поэт. Она жестоко мстит на каждом шагу. Шефнер – не столько запоздалый выразитель былых социальных противоречий, сколько пасынок чуждых нашему времени влияний. <...> Все дело в том, что эта позиция архаистов объективно приводит к отстранению от современности. То, что было до войны определено их критическими друзьями как “архаическое воплощение современной темы”, оборачивается поисками старого в новом, а не нового в существующем. Создается отвлеченная от жизни, воображаемая “прекрасная действительность”. Она складывается из холодного мрамора мнимых “незыблемых ценностей”. <...> Как должен был бы удивиться советский поэт, пришедший в литературу в рядах молодого предвоенного поколения, если бы ему сказали, что его лирика часто слепо плетется по следам мандельштамовской реакционной метафизики?!» (Данин 1947, 166–167).
 - 9 Ср. в его позднейшем «Дневнике в стихах» (1950): «“В Петербурге мы сойдемся снова...” / “Некому сходитьсь, дорогой / Осип... Нет тебя, нет Гумилева... / Стала и Ахматова седой...”» (Оцуп 1993, 420) и о «святом или блаженном» Осипе Мандельштаме (Оцуп 1993, 384).
 - 10 См. также: «Мандельштам, отчасти через Тихонова, влияет и на многих других молодых поэтов» (Горбачев 1925, 41).
 - 11 Ср. замечание В. Ходасевича об Анне Присмановой, которая чувству слова училась «у хороших учителей» – Цветаевой и Мандельштама (Ходасевич 1939), реплику Марка Слонима – о влиянии тех же поэтов на Вадима Андреева (Слоним 1928, 70) и т.п.
 - 12 В приведенном Ю. Б. Орлицким стихотворении В. Лифшица, опознанном Вс. Рождественским как «мандельштамп», главным маркером служит, по-видимому, слово «торжественный» («Пока гремит торжественный отбой»), не только входящее в вокабуляр Мандельштама и несколько раз использовавшееся для характеристики его стилистики, но и использованное специфически мандельштамовским образом, тем, что называется амбивалентной антитезой, намеком на оксюморон – торжественный отбой вместо ожидаемого торжественного прилива, торжествующего прилива. Стих «Пока колышатся в крови морские звезды» напоминает о «Европе» Мандельштама (1914) и о сквозных гематологических образах у него и т.д.
 - 13 В эти годы стихи поэта иногда звучали и под его именем: 1 января 1946 г. на большой новогодней вечеринке «[П. И.] Чагин прекрасно прочел стихотворение Мандельштама “Диккенс”» (Розанов 1946, 4); см. также письмо художника Льва Юдина Д. Митрохину о фронтовых буднях 1941 г.: «Как хорошо, что нам удалось с [Л. И.] Левиным

- быть вместе это время. <...> Он читал мне иногда хорошие стихи, в морозные ночи, когда мы вместе ходили в патруле. Много стихов я услышал от него. Несколько замечательных стихотворений Блока выучил наизусть. Он читал мне неизданную Ахматову, Мандельштама (хорошие стихи!), Гумилева» (Сурис 1993, 83). Ср. другое письмо с фронта: А. К. Тарасенкова – М. И. Белкиной от 3 августа 1942 г.: «Вчера вечером встретились с [Н. К.] Чуковским. Пошли на берег, купались, а потом сидели на плотках у берега и несколько часов подряд читали друг другу стихи Ходасевича, Мандельштама, Блока, Ахматовой. Прямо как будто нет войны» (Громова 2019, 284–285).
- 14 В шуточной стихотворной перепалке поэтов 1921 г. у В. Пяста питерцы говорят: «У вас Мандельштам – там, / У нас же он весь – здесь», а москвичи отвечают: «Что весит ваш Лунц? – унц.../ А ваш Мандельштам? – грамм» (Тименчик 1994, 89–90).
 - 15 Ср. запись в ночь на 3 июня 1944 г.: «Одиночество <...>. Стынувший чай. Папиросы. Раскрытый томик Мандельштама. Очень холодная белая ночь» (Островская 2013, 509).
 - 16 28 мая 1937 г. в этот дневник вписано мандельштамовское «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста...» (Андриевская 2006, 9), возможно, полученное от Ахматовой; запись 20 марта 1939 г.: «Умер Мандельштам. Потеря для поэзии непоправимая. Скольких их не стало – поэтов моего времени и поколения: Блока, Гумилева, Маяковского, Есенина, Кузмина, а теперь Мандельштама» (Андриевская 2006, 11). Названный в этом синодике Блок, безусловно, является тем центром, по отношению к которому центростремительно или центробежно располагают себя самоорганизующиеся школы русских читателей XX в. – см., например: «Иннокентий Анненский, Анна Ахматова, О. Мандельштам, в общем, формально стоят выше Блока, но никому из них не по силам равняться с его поэтическим дыханием, с его атмосферой, с его музыкой, с его диапазоном, и напевы Блока, о которых столько говорилось, тайна которых, как тайна всякой настоящей поэзии, навсегда останется необъяснимой, через тридцать лет после его смерти звучат с той же неотразимой прелестью» (Терапиано 1952).
 - 17 В том же рукописном собрании стихотворений литературоведа В. Н. Орлова под одним стихотворением есть помета: «Узнал об аресте и ссылке Мандельштама» (Павлов 1984, 174–175).
 - 18 См. еще два его стихотворения, посвященных Мандельштаму: «Весенний пар упруг, медвян и золот...», «Мы, как дети, забот не знаем...» (Мицлин 1920–1921, 87–88). См. о нем: (Видгоф 2015; Данилова 2017, 342).
 - 19 См. по этой теме: (Баженов 1991: 86–100); (Тименчик 2017б, 92–97). Ахматова выступала и в роли устной «распространительницы» неизданного Мандельштама – из ряда примеров такого рода см. эпизод 1945 г., когда она прочитала Л. Рахманову «Как по улицам Киева-Вия...»: «Записать его, правда, не разрешила, сказав, что сама помнит только со слуха, что Мандельштам ей однажды прочел его наизусть, и она запомнила, не записывая» (Рахманов Л. 1975; цитируемое место опущено в: [Рахманов 1988, 484]; о своем знакомстве со стихами и прозой Мандельштама в 1926–28 гг. см.: [Рахманов 1988, 527–528]).
 - 20 Об эйдолологическом взаимообмене обоих поэтов см.: (Тименчик 1995, 343); (Арьев 2017, 260–267); (Тоддес 2019, 554–558).
 - 21 Об этом приеме у Мандельштама см.: (Становкин 2010, 73–77).